

Вадим Верник

Хворостовский

Плисецкая

Волчек

Литвинова

Табаков

Вишневская

Нетребко

Быстрицкая

Хабенский

Книга победителей

Мионов

Барышников

Гурченко

Мацуев

Бондарчук

Беседы и эссе

Образцова

Меньшиков

Машков

Безруков

Хаматова

Вадим Верник
Книга победителей
Серия «Судьба актера. Золотой фонд»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42645194
Вадим Верник Книга победителей:
ISBN 978-5-17-114252-0

Аннотация

Вадим Верник – известный журналист, автор и ведущий программы «2 ВЕРНИК 2» на телеканале «Культура», главный редактор журнала ОК! собрал самые дорогие для него беседы и эссе в отдельную книгу. Собеседники Вадима Верника – звезды театра и кино, музыки и спорта.

Содержание

Предисловие	5
Марина Ладынина	9
Майя Плисецкая	25
Галина Вишневская	33
Евгений Леонов	41
Элина Быстрицкая	50
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Вадим Верник

Книга победителей

Серия «Судьба актера. Золотой фонд»

Издательство благодарит автора и журнал ОК! за предоставленные фотографии

Автор благодарит Наталью Прохорову, Максима Берина, Екатерину Кобзарь, Алексея Пушкарева за помощь в подготовке книги

© Верник В. Э., 2019

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Предисловие

Помню, как к нам домой приходил Олег Ефремов. Я, семиклассник, буквально застыл в дверях, когда увидел в прихожей Олега Николаевича с его знаменитой и такой обаятельной улыбкой. Вместе с папой Ефремов готовился к записи на радио пушкинского «Медного всадника», и они встретились чтобы порепетировать. Папа многие годы был главным режиссером литературно-драматического вещания Всесоюзного радио, а мама преподавала в музыкальной школе. И, естественно, мы с братьями Игорем и Славой росли в этой атмосфере творчества. Я обожал слушать папины разговоры по телефону с Верой Марецкой, Татьяной Дорониной, Юрием Богатыревым, Алексеем Баталовым... Телефонные обсуждения могли быть бурными, страстными или, наоборот, очень мягкими и трепетными, и все знаменитые актеры, с которыми общался папа, невольно становились для меня такими близкими людьми. На семейных торжествах у родителей бывали Юрий Левитан, Вячеслав Тихонов, Армен Джигарханян...

Когда по радио шли папины постановки, жизнь дома замирала. Мы садились за столом вокруг радиоприемника и превращались в одно большое ухо. Однажды – и это было таким счастьем – папа занял нас с Игорем в радиоспектакле «Обелиск» по Быкову, хоть и в массовке, но рядом с нами у

микрофона – Михаил Ульянов!

А еще, с пятого класса, я делал домашние альбомы: вырезал из газет и журналов статьи о театре и кино, фотографии актеров. С помощью канцелярского клея и авторучки эти материалы обретали новую жизнь. Я фантазировал, делал свои маленькие открытия, и забывал о реальном времени. У меня сохранились эти альбомы – мои «исследования» о Большом театре, Московском Художественном, «Современнике». Особое место занимала коллекция фотографий актеров – с автографами. Например, «дорогой Вадик, всего доброго тебе в твоём начинании». И подпись: «Иннокентий Смоктуновский».

Естественно, у меня не было никаких сомнений, куда поступать после школы: только ГИТИС, театроведческий факультет. Правда, моя мечта могла в одночасье разрушиться. Как выяснилось, после экзамена-собеседования один педагог сказал своим коллегам: «Какой-то несерьезный у нас абитуриент Верник. То он на актерский поступает, то на театроведческий. Никак не может определиться». Но кто-то из комиссии все же объяснил ему, что «Верник» – это два разных абитуриента, – на актерский поступал Игорь, и, конечно, он ходил на прослушивания во все вузы.

После института у меня было одно желание – устроиться работать в литературную часть какого-нибудь театра и тихо созерцать мир закулисья. Но, увы, все места были заняты. И я обратился в газету «Московский комсомолец» (печата-

ся там еще в студенческие годы). Мне дали задание побеседовать – ни больше ни меньше – с Марком Захаровым! Эта встреча стала точкой отсчета. Я почувствовал вкус к журналистике, мне уже не хотелось заниматься ничем другим. «МК», еженедельник «Неделя», позже появилось телевидение, потом радио. Кстати, к предложению Дмитрия Диброва начать работать на ТВ и делать программу о кино я отнесся крайне настороженно, и когда Дима мне говорил, что запуск программы «Мотор!..» откладывается, я был самым счастливым человеком на свете. Но час икс все-таки настал.

Около двадцати лет я снимал программу о молодых талантах «Кто там...» на телеканале «Культура». А в 2017-м руководитель канала Сергей Шумаков предложил нам с Игорем сделать программу вдвоем, – так возник проект «2 ВЕРНИК 2», такой важный и дорогой для нас. Семь лет назад я вернулся в печатную журналистику – меня пригласили стать главным редактором журнала ОК!

Вот так, на телевидении, в прессе и на радио (радио «Культура») я занимаюсь тем, к чему тяготеет душа. Для меня журналистика – сродни психологии. Все мои герои – победители, а путь к успеху у каждого свой. Вопросы, ответы, вновь вопросы... Со временем созрело желание собрать самые дорогие для меня беседы и эссе в отдельную книгу. И оказалось, что частные истории, собранные вместе, дают любопытнейший срез времени, эпохи, даже нескольких эпох.

Звезды театра и кино, музыки и спорта... Я сознательно

не атакую героев и не стремлюсь уложить их на лопатки. Абсолютно убежден, что в любви и позитиве можно раскрыть собеседника гораздо глубже, и вот уже он рассказывает об очень сокровенных вещах... А мне каждый раз хочется дойти до самой сути.

Вадим ВЕРНИК

Марина Ладынина

Великая затворница

Марина ЛАДЫНИНА... Легенда кино, любимица нескольких поколений зрителей, народная артистка Советского Союза, лауреат пяти (!) Сталинских премий, – по количеству подобных наград она рекордсменка.

В начале 90-х я работал в отделе литературы и искусства еженедельника «Неделя». В сентябре 1992-го мы напечатали очерк критика и литературоведа Виталия Вульфа «Свет далекой звезды», посвященный Ладыниной. Я готовил материал к публикации и, получив «сигнальный» экземпляр, позвонил, не без робости, Марине Алексеевне на домашний телефон. «Благодарю вас и прошу прислать десять экземпляров», – сказала Ладынина чистым звонким голосом, и в конце добавила: «Я могла бы рассказать вам много интересно». Эта фраза обрадовала меня, но больше удивила: я не раз слышал от коллег-журналистов, как долго и тщетно они добивались встречи с актрисой. Ладынина с 1954 года (ей тогда было 46 лет) не снималась в кино, напрочь отказывалась давать интервью и уже много лет избегала фоторепортеров. Она стала великой затворницей. Почти как Грета Гарбо, которая на пике кинокарьеры удалилась от внешнего мира и тщательно оберегала свою дальнейшую жизнь.

И все-таки, вдохновленный словами Марины Алексеевны, я пытался в течение трех недель договориться с ней о встрече, но по разным причинам встречу она переносила в туманное будущее. Когда я окончательно потерял надежду, раздался звонок Виталия Яковлевича Вульфа: «Мы с тобой приглашены к Ладыниной домой на чай. Принеси фотографию из «недельской» публикации – надо вернуть ее хозяйке. И на всякий случай захвати диктофон».

Наконец, мы в доме на Котельнической набережной. Пока шли в подъезде по длинному коридору, хранившему тайны сталинской эпохи, я мысленно рисовал портрет сегодняшней Ладыниной. Но как только открылась дверь, я был ошеломлен: на пороге стояла худенькая бойкая женщина, на вид лет 65-ти (хотя на тот момент его было 84), в черных брюках, элегантной малиновой мохеровой кофте, белой сорочке. На лице – модные очки в широкой оправе, они укрупняли красивые карие глаза. Пикантная деталь: Ладынина забыла убрать одну бигуди, но сказать ей об этом было неловко. Позже она сама это заметила и рассмеялась. Но эта бигуди придавала ее облику какую-то домашнюю трогательность.

Энергичным жестом Марина Алексеевна пригласила нас в гостиную. Никакой роскоши. Почти спартанская обстановка. По нашей просьбе хозяйка комментирует фотографии, висящие на стене. Вот она в юности: «Я тут хмурюсь, хотя характер у меня жизнерадостный. Видно еще тогда я предчувствовала: не все в жизни будет сладко». Здесь же – фотогра-

фия дирижера Герберта фон Караяна. «Хоть и безграмотная, выросла в деревне, – отшучивается Ладынина, – но всегда любила ходить в консерваторию. Концерт Караяна оставил сильнейшее впечатление». Рядом со своей фотографией в роскошном меховом мантио («это на Каннском кинофестивале») прикрепила снимок, напечатанный в «Неделе»: Марина Алексеевна, с пленительной улыбкой, в окружении выдающихся мужчин – Николая Черкасова, Михаила Ромма и своего бывшего мужа, Ивана Пырьева. После расставания с Пырьевым (он влюбился в начинающую актрису Людмилу Марченко и ушел от жены) Ладынина больше не появлялась на экране. Несмотря на болезненный разрыв отношений, фактически сломавший ее судьбу, Ладынина все время мысленно возвращалась к Пырьеву. Во всяком случае, на стенах висело много фотографий, напоминавших о нем.

На кухне засвистел чайник. Хозяйка принесла варенье, печенье, яблоки. Завязалась беседа. Мы с Вульфом задавали вопросы, а Марина Алексеевна на них отвечала, причем иногда достаточно подробно. Я включил диктофон. Чтобы не смущать Ладынину (не знал, как она отреагирует), держал диктофон под столом, но он был включен на протяжении всего нашего разговора. Кстати, это был единственный раз в жизни, когда я действовал как папарацци! Вульф, видя мое смятение, подбадривал. Лишь перед самым уходом пришлось признаться, что все записывалось на пленку. Более того, я набрался наглости и спросил, можно ли сделать

для «Недели» печатную версию услышанного. Марина Алексеевна была очень недовольна – все-таки общалась с нами не как с журналистами. Но неожиданно смягчилась: «Хорошо, попробуйте. Только обязательно покажите, что у вас получилось».

Я вышел от Ладыниной окрыленный. Это будет настоящая сенсация! Когда рассказал о нашей встрече в редакции, все вместе решили, что надо делать материал срочно, в ближайший номер. Мы даже успели напечатать анонс: впервые и только у нас откровенные признания Марины Ладыниной. Я расшифровал текст и понял, что это должно быть не интервью, а несколько новелл с прямой речью актрисы. Через три дня у меня все было готово. Предварительно показал материал Вульффу. Ему понравилось: «Звони Ладыниной».

И вот я вновь в доме на Котельнической набережной. Теперь уже чувствую себя посмелее. Ладынина встретила меня приветливо, налила чай и стала читать текст. По ходу чтения лицо ее становилось все более напряженным. «И что, вы хотите это напечатать? И это?..» Дойдя до финала, она сказала: «Это печатать категорически нельзя». Вот так жестко и решительно. Я попытался возразить: «Марина Алексеевна, сейчас другие времена, обо всем можно говорить открыто». Бесплезно. А я, честно говоря, думал в тот момент только обо одном: как журналист я потерпел фиаско, сенсация не состоится...

Уже шестнадцать лет Ладыниной нет в живых. Я

много раз мысленно возвращался к той давней встрече. Материалы в моем архиве сохранились, так же как и пленка с записью беседы. Это документ истории. И не только самой Марины Ладыниной, но и истории страны, которой уже нет. Итак, несколько новелл из жизни Марины Ладыниной, рассказанные ею самой.

Абакумов

– До войны я любила отдыхать в Коктебеле. Как-то на пляже ко мне подошел молодой человек. Представился: «Виктор Семенович». Он был некрасив, но отлично сложен. Мы вместе купались, загорали. Затем стали встречаться в Москве. Тогда я работала в Московском Художественном театре (в 1933–1935 годах. – Прим.). Он провожал меня после спектаклей домой, произнося одну и ту же фразу: «Какая ты хорошенькая!», – со временем эта фраза начала меня раздражать. Постепенно ухаживания прекратились.

Когда началась война, я отправила сына с няней в Алма-Ату и собиралась вскоре поехать туда вместе с мужем. Но оказалось, что билеты достать невероятно сложно. Подруга дала совет: «Обратись к одному очень важному человеку. Тебе, думаю, он не откажет». Я обратила внимание на сходство имени-отчества с моим коктебельским ухажером, но не придавала этому значения. Набираю номер телефона. Помощник спрашивает: «Кто такая?» Затем быстро соеди-

няет. Слышу в трубке знакомый голос: «Где ты находишься?» – «У Консерватории». – «Сейчас приеду».

Вижу, как из машины выходят два молодых человека, как бы читают афишу. Потом садятся и уезжают. Вероятно, проверяли, одна ли я ожидаю их шефа. Наконец, появляется он сам. – «Помогу тебе с билетом». – «Но мне нужен и второй, для мужа». – «И для Пырьева сделаю. Я все про тебя знаю. Только уезжать рано. Когда будет опасность, я сам скажу».

Шли дни. Он подъезжал к моему дому на Кутузовском проспекте, без шофера, в белом открытом «Опеле», и мы направлялись в лес. Каждый раз он говорил: «Я посплю в машине, а ты погуляй. Мне так хорошо с тобой». И я гуляла...

Как-то он привез меня к себе на дачу, и среди фотографий я увидела, под парусиновой бумагой, его портрет – рядом со Сталиным. О служебном положении Виктора Семеновича я тогда ничего не знала. В начале октября сорок первого он сказал, что пора уезжать – немцы на подступах к Москве. Накануне отъезда позвонил: «Я приду тебя провожать. Ты извини, здороваться со мной не надо (он и раньше так говорил). Хочу посмотреть на тебя еще раз». И я видела, как он ходил по перрону...

Вскоре после войны Виктор Абакумов стал министром госбезопасности. С ним связано немало мрачных страниц в жизни страны. Впоследствии он и сам оказался трагической фигурой. Но это уже другая история.

Черкасов

– С Николаем Черкасовым, потрясающим актером, мы очень дружили. Он был замечательным товарищем. Наша дружба началась еще в эвакуации, в Алма-Ате. Мы жили в одном доме. А позже вместе бывали в зарубежных поездках. За рубежом люди часто раскрываются совсем иначе, думают только о себе. С Черкасовым у меня произошел такой эпизод. Мы оказались в Японии. Мне говорят: «Николай Константинович в номере. Он болен и просит вас зайти». Захожу. «У тебя деньги с собой?» – спрашивает. – «Да». – Отдай мне всю сумму. Я тебе буду выдавать частями каждый день. Ты не умеешь с толком тратить деньги. Я тебе помогу». А деньги и так были мизерные. Только суточные. Я, например, хотела купить галстук мужу, а выяснилось, что его стоимость равна почти всей сумме, которая у меня была. А вообще за границей меня волновали не только вещи, – всегда хотелось побольше узнать о стране. Скажем, когда мы были в Испании, я мечтала сходить на корриду, хотя в план поездки это не входило...

Я редко встречала людей с такой отдачей и вниманием по отношению к другим, как Черкасов. Перед глазами картина: мы сошли с поезда, все идут к машине. А Черкасов обязательно застрянет с каким-нибудь случайным встречным, который задал ему вопрос, и будет разговаривать до тех пор,

пока не скажут, что пора ехать дальше.

Черкасов совершенно не умел заботиться о себе. Я сама из таких людей, но по отношению к своей персоне мне казалось это нормальным. А Николай Константинович был аскетичен буквально во всем. Как-то я отдыхала в Коктебеле, в Доме литераторов, а Черкасов там снимался в «Дон Кихоте». Изможденный, он приходил после съемки в общую столовую и, казалось, без труда переживал не только дичайшую жару, но и отсутствие какого-либо комфорта, который ему полагался по чину. Николай Константинович при любых обстоятельствах старался быть веселым и сохранить доброту. Таким он и запомнился мне.

«Веронике Кастро и не снилось!...»

– После войны я была нарасхват, много колесила по стране. План гастролей каждый раз составляли с таким учетом, чтобы я охватила с концертами как можно больше городов. Наблюдая по телевизору, как встречали у нас Веронику Кастро, я улыбалась: ей и не снились те приемы, которые устраивали мне зрители! И не нужно было ни президента, встречавшего Кастро в Кремле, ни телевидения. Не было никаких афиш. Просто рисовали плакат: «Ладынина», и аншлаги обеспечены. Иногда доходило до курьезов. Переезжаем с пианистом и певцом из одного города в другой. Вдруг на какой-то станции, где поезд стоит всего одну минуту, врыва-

ется в вагон группа людей: «Где Ладынина?» Хватают наши чемоданы и буквально кувыркком стаскивают с поезда. Оказывается, они узнали, что я должна выступить поблизости, и решили таким образом изменить план моих гастролей – чтобы я выступила и для них тоже.

А вот в Калининне произошел феноменальный случай. Я поехала туда вместе с великолепным чтецом Сергеем Балашовым. Он выступал в первом отделении, я – во втором. Мне не обязательно было появляться к началу концерта. В гостинице я загримировалась и прилегла отдохнуть, ожидая администратора. Вдруг слышу страшный гудок трамвая. Подошла к окну: вижу, трамвай не может двинуться, так как его окружила огромная толпа. Спускаюсь в холл. «Это все из-за вас», – говорят мне. Подходит милиционер: «Марина Алексеевна, вам желательно пройти через боковой выход». «Как это, – возмущаюсь. – Люди хотят меня встретить, а я буду прятаться?!» Открываю центральную дверь и выхожу.

Слава богу, рядом оказались четыре милиционера, которые окружили меня плотным кольцом. Не успела я сделать несколько шагов по ступенькам, как толпа ринулась навстречу и понесла меня вперед, сминая все вокруг... Представляете, какой ужас был на моем лице, когда я (естественно, с опозданием) оказалась на сцене!

С тех пор, наученная горьким опытом, я придумывала маленькие хитрости. Например, в одном городе, когда предстояло выступить в открытом Зеленом театре, я изучила днем

маршрут, а вечером, чтобы миновать толпу, перелезла около служебного входа через забор! Потом гордо, как ни в чем не бывало, вошла внутрь. «Ну знаешь, – воскликнул администратор, – чтобы премьерша на свой концерт лезла через забор... Такое в истории, наверное, случилось впервые».

– Когда вы так победоносно гастролировали, муж оставался дома с ребенком?

– У нас же была няня. Я везла в дом деньги, и Иван с удовольствием меня отпускал. У него бывали большие простои, года по три.

«Мы недовольны поведением артистов»

– Вместе с большой группой деятелей культуры я была в Китае. Галина Уланова, Борис Чирков, Николай Черкасов, сценарист Маша Смирнова... Мы объездили всю страну. Успех колоссальный – и у простых зрителей, и у руководства Китая. У меня есть фотография: в ложе Мао Цзэдун, а я выступаю. Правда, у меня плохая память на имена политиков. Иван, муж, любил спрашивать: как зовут такого-то, какую должность он занимает, – хотя заранее знал, что я не отвечу. Сейчас я больше читаю о политике, но если вы спросите меня о конкретных людях, – возможно, тоже запутаюсь.

Поездка в Китай была омрачена общением с товарищами, которые нас сопровождали. В Китае резко континенталь-

ный климат. Перед отъездом из одного южного города на север страны мы зашли в гостиницу за своими вещами. Каждого из нас в номере ждал сюрприз: белячья шуба, теплая обувь, шапка, шарф, носки. Благородные китайцы позаботились, понимая, как трудно будет после изнурительной жары адаптироваться в холодных условиях. Когда же об этих дарах узнали наши «сопровождающие»... Они не имели отношения к культуре, но были надежными стражами строительства светлого будущего. Вы бы видели, как врывались эти товарищи в номера, как хватали подарки и утаскивали их прочь. Мы даже не успели ни до чего дотронуться. Тогда, в начале 50-х годов, эта картина не произвела на меня сильного впечатления – просто эстетически было противно.

А потом устроили собрание, и начальник тех «товарищей» выступил с речью: «Мы недовольны поведением артистов». А при чем здесь мы, если нам все это хотели подарить? Особенно плохо, как оказалось, вела себя Уланова. Я вздрогнула: у Галины Сергеевны было семьдесят концертов, ее затаскали до полусмерти! И при этом не платили ничего, кроме командировочных.

Вина Улановой заключалась в том, что она все-таки приняла в дар от жены одного из руководителей компартии Китая шубу – и не беличью, а с дорогим мехом. Галина Сергеевна была у нее в гостях, и та накинула на нее шубу, потому что было очень холодно, а отопление не включали. И вот на собрании Улановой устроили порицание, а всем нам объяс-

няли, как надо себя вести за рубежом советскому человеку. Я бросила потом какую-то реплику по этому поводу. И мне это зачлось однажды. Что делать, сталинские времена...

Подарок от ветеранов

– Я максималистка. Так определила меня актриса Лидия Сухаревская. Сейчас понимаю: реже надо было проявлять свой максимализм, – больше могла бы чего-то сделать. Но что об этом говорить сейчас?..

Недавно я посмотрела документальную передачу Эльдара Рязанова (документалистика вообще очень интересуется меня сегодня) о музыкантах, работающих в подземных переходах. Великолепно играл ансамбль, пели дети, одна актриса замечательно исполняла цыганские песни. Меня эта передача потрясла, я увидела в ней чаплиновскую тему.

У Чаплина есть фильм. Герой, в прошлом звезда, приносившая студии огромные доходы, становится калекой и вынужден выступать в заурядном кафе. И вот за столик в этом кафе случайно садится его бывший импресарио. Когда импресарио увидел, в какой обстановке исполняет тот свои куплеты, он надвинул шляпу на глаза. Чаплиновский герой почувствовал это смятение, и говорит: поднимите голову, меня не надо стыдиться, – это моя профессия, и я честно зарабатываю свой хлеб.

Эта история для меня самой стала каким-то символом.

Ведь после расставания с Пырьевым я не могла устроиться на работу, меня перестали снимать, и осталась единственная возможность – участие в сборных концертных программах. Часто приходилось выступать на огромных открытых площадках. Но разве это постыдно? Хотя вокруг говорили: ну, дошла Ладынина – босиком, в дождь бегают по стадиону. А у меня есть фотография, которая мне безумно нравится: эстрадка в центре стадиона, дождь, зрители (тысяч пять-шесть человек) сидят с зонтиками, а мы с партнерами разыгрываем сцену из фильма «Богатая невеста». Это было таким наслаждением! Главное – я не осталась в бездействии.

Так что я не считаю труд людей, которые поют в переходах, чем-то недостойным. Уверена, если я пойду в подземный переход и запою: «Каким ты был...», то мне подпоют и я заработаю свое. Это, конечно, образное сравнение, но клянусь вам, я не сочла бы такое выступление для себя унижительным.

Совсем недавно мне позвонили ветераны клуба имени Горбунова и пригласили в гости. В этот день им должны были показывать фильм «Свинарка и пастух». Правда, они были уверены, что я откажусь к ним ехать, поскольку выступать надо было бесплатно. А я сказала, что счастлива получить их предложение. Эти люди знают, что такое военные годы, что такое жизнь. Какое чудесное у нас было общение после фильма, какие заинтересованные лица я видела в зале, и как все жалели, что наступило время прощаться...

Когда меня привезли домой, я получила целлофановый мешочек. Мне его дали со словами: «Извините, что мы так выражаем свою благодарность, хотелось сделать вам приятное». В этом мешочке были вафли и печенье. Я с наслаждением пила чай с этими вафлями, а сейчас хочу угостить вас этим апельсиновым печеньем.

«Хэлло, Мэри!»

– Всю жизнь я философствовала, разбиралась в себе, – может, и осталась поэтому так одинока. Однажды сделала психологическое открытие: оказывается, когда любишь, это еще не значит, что человек тебе нравится. Можно любить и тех, кто тебе не нравится. Я вот обречена на то, что должна любить своего внука. Когда он только начинал говорить, я его предупредила: «Не зови меня бабушкой, – бабушки обманывают, когда говорят, что это им нравится. То, что я твоя бабушка, – и так факт. А ты зови меня «тетя Марина». Он бежит ко мне навстречу: «Я буду звать вас Мариной Алексеевной». Так и зовет по сей день. Папа звал меня «Маней», и вообще у меня было много разных прозвищ. Однажды внук, еще маленький, гулял и услышал, как меня называли «Мэри». Я сама это придумала (я же остряк!): «Все, надоело быть Мариной. Хочу быть Мэри». Друзья смеялись-смеялись, а потом привыкли. И в Театре киноактера меня некоторые так звали. А Нонна Мордюкова, с которой мы любили играть в

карты (она приходила ко мне домой), смеясь, называла меня «Мэричкой»... В общем звоню я на следующий день внуку и слышу: «Хэлло, Мэри!»...

Еще в раннем детстве Ваня начал интересоваться историей. Память у него абсолютная – от меня. Я увидела как-то у него книгу Ивана Ефремова. «Тебе нравится императрица Клеопатра?» – спрашиваю. А он, 10-летний, поправляет: «Она никогда не была императрицей, она царица, – у нее же не было своей империи». Однажды Ваня гулял рядом с домом, недалеко от Новодевичьего монастыря. Навстречу пожилая женщина: «Ты знаешь, мальчик, что в этой церкви венчался Борис Годунов?» «Нет, – говорит, – Годунов венчался в другой церкви (называет ее), а в этой церкви с ним происходило...» и опять дает точные сведения. Я стала покупать ему исторические книги. Книги тогда очень трудно было достать. Захожу на гастролях к заведующей магазином: «Дайте мне что-нибудь историческое». – «Ой, у нас есть редкая книга, труды Плиния». Беру. Сама даже полстраницы не осилила. Приезжаю: «Я тебе какого-то Плиния привезла». А он сразу: «Старшего или Младшего?».

Ване на днях исполнилось 20 лет, он учится на истфаке МГУ. Недавно невестка призналась мне, что при поступлении Ваню даже проверяли, пытаюсь понять, где он получил столько знаний, – слишком уж выделялся по способностям. Ваня знает шесть языков.

...Я вот начала говорить о любви. Любить внука и так вро-

де положено, а он мне еще страшно нравится.

Конечно, в этих записанных мною рассказах Ладыниной нет ничего, что могло бы подвергнуться цензуре. Но слишком сильна была ее самоцензура... Марина Алексеевна проводила меня до лифта. «Миленький, простите меня. Я все понимаю, но ничего поделать с собой не могу. Может быть, еще напишем с вами книгу». Двери лифта захлопнулись. Большие Марину Ладынину я не видел никогда.

Майя Плисецкая

Майя. Прерванный полет

Майя ПЛИСЕЦКАЯ. Великая балерина. Легенда. Эпоха. Ее триумф начался в Большом театре, и победоносное шествие продолжилось по всему миру. Балетный век Плисецкой превышал все мыслимые и немыслимые каноны. Она танцевала даже в почтенном возрасте и всегда оставалась в профессии эталоном...

В середине 90-х я снимал цикл программ на канале «Россия» (тогда он назывался РТР) о знаменитых актерах. Набираю немецкий номер телефона Плисецкой (вместе с мужем Родионом Щедриным в то время они жили в основном в Мюнхене): «Здравствуйте, меня зовут Вадим Верник, и я хочу снять о вас передачу». «Сначала мне надо понять, хочу ли я этого, – резонно ответила Майя Михайловна. – перезвоните через три дня». И наконец слышу: «Я согласна». В ту пору Плисецкая еще гастролировала и для нашей съемки предложила на выбор один из городов: Токио, Париж или Миккели. Ей тогда было семьдесят лет – абсолютный рекорд для действующей балерины! Остановились на финском городке Миккели. Там мы общались с Майей Михайловной ровно неделю, с утра до вечера, и для меня это было огромным профессиональным и личным счастьем.

Первое впечатление

В коридоре концертного зала навстречу мне шла женщина крохотного роста в балетном комбинезоне. Только фантастические руки и лебединая шея выдавали в ней легендарную Плисецкую. Майя Михайловна сразу предупредила меня, что гример ей не нужен и что сниматься она будет без макияжа. Конечно, такое заявление озадачило – все-таки возраст солидный. Но как только включилась камера, произошло чудо: все морщины на лице мгновенно разгладились, Плисецкая помолодела лет на тридцать! Самое интересное, что такое преобразование происходило на протяжении всех съемочных дней. Причем это заметили, кроме меня, и редактор Тоня Суровцева, и оператор. Я так и не понял тогда, что это было – мистика или мощное энергетическое поле самой Плисецкой? То же самое на сцене. В балете Мориса Бежара «Куразука» она выступала вместе с премьером балетной труппы парижского Гранд-опера Патриком Дюпоном. В тот момент, когда у Дюпона был сольный танец, Плисецкая сидела на сцене спиной к зрительному залу. И происходила поразительная вещь. Весь зал, как по команде, переводил свой взгляд на Плисецкую: ее выразительная спина «говорила» гораздо больше, чем сложнейшие па французского танцовщика! Я смотрел этот спектакль в Миккели несколько раз, и всегда была одна и та же реакция.

Строгая самооценка

В Финляндию я ехал, вооружившись слухами о тяжелом характере Плисецкой. Но это представление разрушилось в одночасье. Я увидел очень доброжелательную женщину. Впрочем, сама Майя Михайловна о себе говорила довольно строго. Вот цитата из нашей передачи: «У меня досады остались, что я была невнимательна к людям, которые хотели сделать мне добро. Сейчас это понимаю, но... поздновато». И в качестве примера рассказала о съемке балета «Леда», когда съемочная группа из Польши обиделась на нее и уехала, не закончив работу: «А по отснятому материалу это была, может быть, лучшая моя съемка». Признавать свои ошибки – удел сильных личностей.

Кармен

Коронная партия Плисецкой – Кармен. Мы много говорили об этой героине, поскольку Плисецкая ее очень любила. Специально для Майи Михайловны легендарный балет «Кармен-сюита» поставил знаменитый кубинский хореограф Альберто Алонсо. После Плисецкой «Кармен-сюиту» танцевали многие замечательные балерины, но ни одна из них не смогла передать в таком объеме силу характера и

страстность героини. Как будто Плисецкая заколдовала свою Кармен. Это было эталонное исполнение, классика жанра. Хотя поначалу, в 60-х, министр культуры Екатерина Фурцева чинила «Кармен-сюите» нешуточные препятствия, считая, что трактовка Плисецкой вредна для советского зрителя и порочит святую сцену Большого театра. Кармен-Плисецкая была вызывающе чувственна и эротична, она съедала красавца Хозе одним только взглядом. Но при этом была не роковой, а вполне обычной женщиной: подтрунировала над Хозе и пыталась приворожить его как-то по-детски, со смехом. И вот что важно: Плисецкая решительно отстаивала свою позицию, она могла танцевать Кармен только так, как считала нужным, без компромиссов. К своей цели шла напролом – она не знала слова «нет». Птица свободного полета – это роднило ее с Кармен. К счастью, сохранились записи Кармен в исполнении Плисецкой – этот танец стоит увидеть даже тем, кто далек от мира балета. Каноны и стереотипы дерзкая балерина взрывала на протяжении всей своей карьеры. «Я поменяла рисунок в партии Одетты в «Лебедином озере», и теперь все копируют меня», – со скромной улыбкой сказала мне Плисецкая.

Репетиции продолжаются

В Миккели я с интересом наблюдал, как Майя Михайловна занимается у балетного станка. Она приходила в класс

каждый день и в течение часа выполняла все упражнения наряду с молоденькими балеринами. Я не уверен, что здоровье в то время у нее было идеальным. Дело в другом: в невероятном желании служить профессии, без которой свою жизнь она не представляла. После нашей съемки в балетном классе Майя Михайловна предложила: «Я сейчас репетирую вместе с Патриком Дюпоном балет «Послеполуденный отдых фавна». Только сейчас поняла, как его надо танцевать. Если хотите, снимите нашу репетицию». Я, конечно, был рад такой возможности. Поразительно в этой истории то, что Плисецкая в свои семьдесят лет как балерина была нацелена на будущее и думала о новых постановках.

Дефиле от Плисецкой

Мы проводили время вместе и за пределами концертного зала. Однажды Майя Михайловна призналась, что любит шопинг, и я предложил снять один из эпизодов в местном магазинчике. «С удовольствием, – ответила она, ничуть не переживая, что в городе нет ни одного бутика. – Если вещь мне понравилась, могу купить ее и на рынке, а если платье от Кардена, тоже неплохо». Впрочем, кутюрье Карден, я думаю, свои наряды Плисецкой все-таки дарил, поскольку она была его музой на протяжении многих лет. Я заметил, что Плисецкой больше нравились вещи ярких тонов. Даже черный кожаный плащ, в котором она была во время нашей прогулки, –

блестящий, как будто лаковый. В одном из магазинов балерина устроила импровизированное дефиле. Она перемерила множество платьев и кофточек, и все это было идеально, по фигуре. Один фасон Майе Михайловне особенно понравился. В результате она купила пять одинаковых кофт, правда разных цветов! Даже в этом маленьком финском городке Плисецкую узнавали, просили у нее автографы. Она внимательно выслушивала поклонников, выразительно им кивала, а потом сказала мне, что вообще не знает иностранных языков.

Любовь на всю жизнь

С Родионом Щедриным я познакомился, уже когда наши съемки закончились. Плисецкая и Щедрин оказались в Москве, и я приехал в их квартиру на Тверской улице, чтобы показать на кассете нашу передачу. Трудно передать словами, с какой нежностью и любовью Родион Константинович смотрел на свою супругу на экране, а сама Плисецкая ловила в его реакции каждый нюанс. Вот такая первозданность чувств, хотя их союзу на тот момент было почти сорок лет. И опять цитата из передачи: «Щедрин – единственный человек, которого я полюбила, причем сразу». Во многом ради жены Щедрин, признанный автор симфонической и оперной музыки, начал сочинять балеты. Так появились «Анна Каренина», «Чайка», «Дама с собачкой». В этих балетах Плисец-

кая не только исполняла главные партии, но и была хореографом. И конечно, «Кармен-сюита» – гениальное балетное переложение Родионом Щедриным музыки Жоржа Бизе.

Наслаждение танцем

В передаче Майя Михайловна сделала шокирующее, на первый взгляд, признание: «Я не танцевала в полную силу, чаще все делала «вполноги». Почувствовав мое удивление, сразу привела пример: «Балет «Дон Кихот». Дают третий звонок к началу спектакля, а я еще только крашу ресницы, хотя в этот момент уже обязана быть на сцене. Моя репетитор в панике хватается за голову, я же абсолютно спокойна. Первую вариацию танцую «не разогретая» и только к середине спектакля обретаю необходимую форму». Дальше Майя Михайловна поясняет: «Никогда не боялась, не волновалась – мне нравилось быть на сцене, я наслаждалась танцем». В этих словах – вся Плисецкая, формула ее успеха. Я задал Майе Михайловне вопрос: когда она поняла, что в балете может достичь больших результатов, чем другие? Ответ был обезоруживающим: «Я лучше вам байку расскажу. Идет мужик по рынку. Навстречу мальчик: «Мужик, ты когда спать ложишься, бороду на одеяло кладешь или под одеяло?» Мужик думал-думал и спать перестал». Что ж, Майя Михайловна права. Истинный художник не задает себе подобных вопросов и не пытается найти на них ответы. Плисецкая была

кометой, вихрем, стихией. Комета по имени Майя улетела в космос. И это самый лучший исход.

...Через несколько дней после возвращения из Миккели я обнаружил на автоответчике запись: «Вадик, это Майя Михайловна. Звоню просто так, узнать, как ваши дела». Ту запись с голосом Плисецкой я храню до сих пор.

Галина Вишневская

Солнечная Галина

Выдающаяся певица и педагог, народная артистка СССР Галина ВИШНЕВСКАЯ всегда была в центре внимания, но до последних дней оставалась женщиной-загадкой.

С Галиной Вишневской судьба сводила меня дважды. Первый раз в 1993 году. Я снимал телерепортаж с репетиции спектакля МХАТа «За зеркалом», где Вишневская играла императрицу Екатерину II: «Из Большого театра я перенеслась прямо во МХАТ! Красиво», – прокомментировала она, и добавила: «Этот спектакль – продолжение моей карьеры. Оперную сцену я оставила совсем. Я максималистка. Не привыкла петь так, знаете, «немножко». Бросила. Все, хватит». На профессиональной сцене Вишневская пела сорок пять лет.

Вторая встреча случилась в 1996-м. Театральный продюсер Давид Смелянский предложил мне сделать полуторачасовую передачу о Галине Вишневской и Мстиславе Ростроповиче в рамках проекта «Субботний вечер со звездой», который я вел на канале РТР (теперь «Россия 1»). Конечно, сказал я, это очень интересно, но у меня настойчивое желание, чтобы съемка проходила не в Москве, где звездные супруги бывали тогда наездами, а в их парижской квартире.

После возвращения российского гражданства Вишневецкая и Ростропович активно участвовали в политической жизни России. Мне же хотелось поговорить с ними не о политике, а о музыке, о личном. И конечно, Париж, который стал их домом, для такого общения идеальное место. Через несколько дней Смелянский сообщил, что знаменитая чета согласна принять меня в своей парижской квартире. Причем до этого ни одна российская съемочная группа к ним не приезжала! Но оказалось, у Мстислава Леопольдовича есть еще встречное предложение, и он просит, чтобы я позвонил ему лично. Хорошо помню, с каким волнением набирал номер телефона. «Привет!» – сказал Ростропович бодрым голосом. Он любил мгновенно сокращать дистанцию, как будто знаком с человеком сто лет. «В Лионе ставится опера по книге Вишневецкой «Галина», и я хочу, чтобы вы сняли там репетицию, на которой будет присутствовать сама Галина Павловна. А потом уже Париж». Отличная идея.

И вот через месяц я вошел в здание Лионской оперы. Театр произвел странное впечатление: красные стены, черные железные лестницы... Ощущение, что ты попал не в храм искусства, а в каземат. Несколько шагов – и я в зрительном зале, на репетиции. Сначала вижу в центре зала гордую спину Вишневецкой и ее как всегда безупречную прическу. Галина Павловна была очень приветлива, в хорошем настроении. На сцене репетировали эпизод, когда молодую Галину принимают в Большой театр. «Поразительное чувство раздвоен-

ности. Как будто я одновременно в зале и на сцене», – произнесла Вишневецкая. Я сразу обратил внимание на такой нюанс: Галина Павловна, которой в то время было 69 лет, выглядела значительно моложе и изящнее, чем певица-американка, которая репетировала главную партию. А молодость была прежде всего в глазах: два огонька, даже огня. Я испытал великую магию этих глаз-рентгенов.

Вечером мы вместе с Вишневецкой возвращались в Париж на скором поезде. Правда, Галина Павловна, как и подобает царственной особе, ехала в первом классе, а наша съемочная группа – во втором. До отправления поезда оставался еще час, и она предложила попить чая, а заодно обсудить детали дальнейших съемок. Скромный привокзальный буфет и Вишневецкая в роскошной норковой шубе и бриллиантах, – зрелище поистине кинематографическое. Я пожалел, что не сообразил заснять этот эпизод на камеру. На перроне в Париже мы попрощались, а завтра нам предстояли главные съемки – запись интервью в домашней обстановке.

И вот с редактором и оператором мы подходим к дому в престижном парижском районе, на авеню Жоржа Манделя, где жила легендарная чета. Дверь открыла хозяйка. Невероятно элегантная, в черной облегающей кофте, черных брюках и... тапочках. В этих самых тапочках и была энергетика домашнего уюта, к чему я так стремился, настаивая на съемке в Париже. Из дальней комнаты раздается громкий энергичный голос Ростроповича. Великий музыкант всего пару

часов назад вернулся из очередной гастрольной поездки. А еще нас ждал сюрприз. Специально для съемки Галина Павловна пригласила свою дочь Елену и внуков, которые жили в Париже.

Я так и не понял, сколько комнат в этой квартире. Нам для съемок предложили расположиться в двух гостиных. В одной – огромный массивный палехский стол, на двух его концах изображены скрипичный ключ и виолончель. А на стенах – картины, картины, картины... Уникальная коллекция русской классической живописи. Во второй комнате Вишневская с гордостью показала тяжелые шторы из Зимнего дворца: «С этими шторами я чувствую себя царицей!» На этом, как мне показалось, «царственное» самоощущение закончилось.

Многие считали, и я в том числе, что Вишневская командует своим мужем и близкими. Здесь, в Париже, все было иначе. Я увидел прежде всего любящую жену, готовую кротко и покорно выполнять любую прихоть своего венценосного супруга. Вот пример. Вместе с Галиной Павловной мы долго выстраивали съемочный свет для интервью. Вдруг в комнату стремительно входит Ростропович и говорит, что хочет присутствовать во время интервью жены. «Нет-нет, не надо», – воскликнула Галина Павловна. «Тогда сначала запишем интервью со мной, а ты подождешь». И Вишневская тихо, не произнеся ни единого слова, выходит из комнаты. Я, честно говоря, был потрясен таким поворотом событий!

Дальше – больше. Галина Павловна рассказала мне, что в их квартире есть комната, куда ей вход строго воспрещен. Это кабинет Ростроповича. Меня эта история заинтриговала – после долгих уговоров Мстислав Леопольдович сдался и разрешил сделать там съемку. Правда, кабинетом ту комнату можно было назвать весьма условно. Скорее, это был склад нот, беспорядочно лежащих почему-то на полу, рядом множество чехлов для виолончели. А в одном углу я заметил пыльную графическую картинку. На ней был изображен Ростропович с виолончелью, причем виолончель являлась его туловищем. На мой вопрос, кто автор, Ростропович ответил: «Сальвадор Дали».

Экзотика продолжалась. Я попросил у Вишневской разрешения взять небольшое интервью у домработницы, которая жила с ними уже много лет. Галина Павловна с испугом замахала руками: «Я боюсь, Вадим, задавать ей лишние вопросы. Хотите, поговорите с ней сами». Мужественно иду на кухню и натыкаюсь на глухую стену отчуждения. Домработница категорически отказалась говорить на камеру. Она призналась мне, что мечтает об одном – как можно скорее уехать из этого ненавистного Парижа к себе домой, в деревню! Вот такие шекспировские страсти...

Конечно, свою супругу Ростропович боготворил. С лукавой улыбкой, почти заговорщицки, он сказал в интервью, что уже приготовил Галине Павловне сюрприз к ее предстоящему 70-летию. Когда я спросил о феномене певицы Вишнев-

ской, ответ был такой: «Невозможно описать мои чувства, когда я слышу ее голос, как невозможно описать словами чудо. Это все равно что о картине «Джоконда» сказать: Леонардо да Винчи нарисовал ее на холсте и использовал такие-то краски... Послушай и замолчи». Лучше, по-моему, и не скажешь.

...С Ростроповичем Вишневская встретилась на фестивале в Праге в 1955 году. Роман развивался стремительно. Прочитую слова Ростроповича из моей передачи: «У меня была непрерывная атака, я постоянно острил. Она держала лицо пальчиками: перестаньте меня смешить, у меня будут морщины». А вот мысли Галины Павловны об отношениях мужчины и женщины: «Любовь – понятие необъяснимое, а страсть быстро проходит. Главное в отношениях – это доверие и, как сказал Сент-Экзюпери, ответственность перед тем, кого мы приручили». Мне понравились слова Ростроповича «за сорок лет я к ней так и не привык» – настолько сильны были его чувства к жене.

Я знаю, что характер у Вишневской был весьма непростой. Она могла быть резкой, авторитарной и не терпящей никаких возражений. Мне понравилась рассказанная ею история о том, как она отказалась участвовать в премьеры, когда увидела декорации, которые по цвету сливались с платьем ее героини. На предложение сшить платье другого цвета Вишневская ответила решительным «нет». В результате полностью перекрасили готовые декорации!

Ну а я увидел совсем другую Вишневскую – мягкую, чуткую, нежную, дипломатичную. С какой теплотой она рассказывала в передаче о том, как обожает своих внуков, а их шестеро! С гордостью показала мне программку концерта, в котором участвовали ее внуки Иван и Сергей: «Вот только автограф забыла попросить». В этот момент Вишневская уютно расположилась на диване, а рядом дочка Елена и двое внуков. Красивая мизансцена. Я почувствовал, как нравится ей ощущать себя хранительницей домашнего очага. Ведь только закончив вокальную карьеру, она смогла по-настоящему уделять внимание своим близким.

В паузе между съемками редактор Тоня Суровцева обратила мое внимание на любопытную деталь. Обычно возраст женщины выдают руки: морщины здесь ничем не скрыть. А у Вишневской кожа на руках была гладкая-гладкая. Я спросил Галину Павловну, что помогает ей держать себя в тонусе. Ответ был лаконичный: «Утром мимо всех зеркал прохожу в ванную, наношу на лицо крем, и лишь после этого я могу взглянуть на себя в зеркало». Еще вопрос: «О какой партии вы мечтали, но так ее и не исполнили?» «Кармен», – сказала она, не задумываясь. Гордая, сильная, величественная и непокоренная – такова Кармен. И такой же была Вишневская. Она получила суровую закалку в блокадном Ленинграде. После этого она уже не боялась ничего... Я напомнил Галине Павловне о нашей первой встрече в Московском Художественном театре на репетиции спектакля «За зеркалом».

Рядом с мхатовскими актерами Вишневская выглядела органично, но не было налета театральности, такая в хорошем смысле трогательно-наивная игра. «Я сейчас чувствую себя Екатериной Великой». И действительно, какой взгляд, какая стать!

Вишневская закончила оперную карьеру серией триумфальных спектаклей в парижской Гранд-опера. Это был «Евгений Онегин». В партии Татьяны она начинала свою вокальную карьеру, ее же исполнила в завершение. Круг замкнулся. А возвращение из эмиграции совпало с юбилеем Вишневской, и этот юбилей был отмечен грандиозным гала-концертом в Большом театре (я был тому свидетелем). Особо впечатлил номер, когда Майя Плисецкая танцевала «Умиряющего лебедя» под аккомпанемент Мстислава Ростроповича.

...После съемок в Париже я больше ни разу не пересекался с Галиной Павловной. Возможно, это было осознанно с моей стороны. Я не хотел быть в общем хоре ее почитателей. В моей памяти осталась Вишневская, какой я ее увидел и узнал. И Париж, который я посетил тогда впервые, ассоциируется у меня прежде всего с ее именем. Была весна, начало марта. Прохладно и солнечно. И солнечная Галина Вишневская.

Евгений Леонов

Кредит доверия

Евгения ЛЕОНОВА знают все. Леонова любят все. Его роли никогда не становились сенсацией (в самом слове «сенсация» есть привкус сиюминутного, быстропроходящего). Обычно он играл простых, скромных, добропорядочных персонажей, «негероев» в привычном понимании. У Евгения Леонова был талант – слышать время. В его героях отражена судьба страны, судьба послевоенного поколения.

В жизни все ждали от Леонова юмора, анекдотов, полагая, что он такой же балагур и весельчак, как и на экране. А он был совсем другим. Внутренне сосредоточенный, достаточно замкнутый и неулыбчивый. Говорил тихо, медленно. Один раз я слышал, как Леонов пошутил. На пляже в Ялте к нему подошла женщина с осторожным вопросом, не брат ли он артиста Леонова, уж больно похож. «Нет, – ответил Евгений Павлович. – У меня, правда, есть дальний родственник-актер – Михаил Пуговкин».

...1991 год. ИЗ РАЗГОВОРА С ЛЕОНОВЫМ у него дома, на 3-й Фрунзенской улице. «Я учился в седьмом классе, когда началась Отечественная война. Поэтому в моем детстве все немножко сдвинулось, мне пришлось стать взрослым в четырнадцать-пятнадцать лет. В школе играл в драмкружке.

Еще до эвакуации из Москвы Московского Художественного театра успел побывать на всех его спектаклях, был потрясен увиденным. Во время войны работал на авиационном заводе учеником слесаря. И хотя меня потом отправили в техникум, я все отчетливее ощущал тягу к искусству. Читал на вечерах стихи Блока, рассказы Чехова. Так родилось желание идти в театральную студию.

Когда я предстал впервые перед экзаменационной комиссией в студии на Пушечной улице, я завыл, прокричал стихи Маяковского – члены комиссии заулыбались. Я вдруг почувствовал свою неотесанность, необразованность... Впрочем, все было ясно: лицо круглое, облик смешной – меня приняли на амплу комика. Потом был театр имени Станиславского, которым в те годы руководил Михаил Михайлович Яншин. Его я считаю своим главным учителем».

МАРК ЗАХАРОВ: «Впервые я увидел Леонова в Театре Станиславского, и он казался мне обаятельным, приятным «простаком», коих в ту пору было предостаточно. Но за прошедшие годы Евгений Павлович прожил сразу несколько жизней, перебрался из одной театральной эпохи в другую, пропустив через свое сердце такие боли, а через сознание такие мысли, что преобразился из милого паренька в человека безмерной судьбы».

ИЗ РАЗГОВОРА С ЛЕОНОВЫМ: «Актеру свойственно

хвататься за то, что уже найдено; с годами обрастаешь штампами, которые крайне трудно счищать. Я пришел в Ленком в начале семидесятых. Зарплату стал получать в два раза меньше, чем в академическом театре имени Маяковского. Но мне казалось, что Марк Захаров обладает способностью что-то «опрокинуть» в актере, расшевелить его. Надо, как учил Станиславский, из-под самого себя выбивать стул, на котором удобно расположился... Эту неустроенность, бесконечные сомнения ощущаю всю жизнь».

ИННА ЧУРИКОВА: «Я считаю Евгения Павловича великим актером, настоящей звездой, причем, звездой теплой: от его слова, взгляда у людей что-то оттаивает внутри».

Герои Леонова обладают обостренным чувством доброты, у них большой запас душевной прочности. Музыкант Сарфанов в «Старшем сыне», бывший фронтовик, слесарь Приходько в «Белорусском вокзале», бригадир Потапов в «Премии»... Все было в их жизни: бесконечные удары судьбы, горечь утрат. Но душа не зачерствела, каждый сумел сохранить искренность, первозданность своей натуры, те нравственные качества, которые заложены были в детстве, юности.

ИЗ РАЗГОВОРА С ЛЕОНОВЫМ: «Моя мама была не очень грамотной женщиной, но необыкновенно сердечной. Порой в доме не хватало еды, зато всегда был избыток гостей: сестры, тетки, племянницы... И навсегда запомнились

мамина теплота и доверчивость».

Герои Леонова прожили жизнь «с Богом в сердце», говоря словами молочника Тевье, сыгранного Евгением Павловичем в спектакле «Поминальная молитва» (пьеса Григория Горина по мотивам Шолом-Алейхема).

ИЗ РАЗГОВОРА С ЛЕОНОВЫМ: «Я давно думал о Тевье – персонаже, в котором сочетаются драматизм, лиричность, юмор. Премьера намечалась на 1 сентября 1988 года, но летом, на гастролях в ФРГ, у меня случился тяжелейший инфаркт, на несколько секунд остановилось сердце. Лишь через два года я смог выйти на сцену в роли Тевье».

АЛЕКСАНДР АБДУЛОВ: «Очевидно, что после того, как у человека случается такое несчастье, что-то в нем меняется. Евгений Павлович познал смерть, заглянул ей в глаза, и от этого, вероятно, в самом его взгляде появилась вселенская мудрость. Когда он выходит к зрителям в «Поминальной молитве», идет подключение прежде всего к нему, актеру Леонову. Он может говорить о сложностях нашего бытия, национальных проблемах, о Боге, жене, детях, и ему сразу верят. О высоких материях Леонов умеет говорить пронзительно и просто, попадая в сердцевину проблем».

Когда Евгений Павлович сыграл Тевье-молочника, многие критики назвали эту работу актерской вершиной Леонова. Возможно, это одна из его вершин. Тевье-Леонов близок

настроениям зрителей, в нем есть тревога и беспокойство, желание прикоснуться к простым и вместе с тем проверенным веками ценностям и идеям.

ИЗ РАЗГОВОРА С ЛЕОНОВЫМ: «В нашем обществе мы всё сумели поставить под сомнение, и нам уже кажутся лицемерными сами понятия «не убий», «не прелюбодействуй». При чем тут заповеди, раз мы научились лгать, выдавать желаемое за действительное. Мы говорили, что наше искусство самое лучшее в мире, и в то же время топтали Шнитке, выдворяли из страны выдающихся музыкантов, писателей, кому надо бы поклониться».

Сыграв Тевье, Леонов вернул на сцену Веру, очистил понятие нравственности от шелухи времени. В этом трагикомическом образе маленького человека, который всю жизнь мечтал о счастье, о том, чтобы дом был полной чашей, мечтал о покое в семье, Леонов передал ощущение полноты жизни. Вот почему в финале, когда краски сгущаются до предела, наступает очищение.

ЛЮБОВЬ МАТЮШИНА, исполнительница роли Голды: «Леонов вместе с Захаровым разлили в спектакле ауру душевного соприкосновения. Когда мы, участники спектакля, находимся за кулисами, наши личные отношения остаются такими же, какими они были только что на подмостках. Такое в театре случается нечасто».

ИЗ РАЗГОВОРА С ЛЕОНОВЫМ: «Я мечтал сыграть короля Лира. В Лире есть тема обманутой доброты, обманутой доверчивости. Почему-то мало кто посмотрел на шекспировского героя с этой точки зрения. Правда, чтобы сыграть такую роль, нужно, чтобы кто-то из режиссеров увидел тебя в этой роли».

Леонов не сыграл не только Лира. У него вообще почти не было классических персонажей. А ведь он мог бы стать превосходным исполнителем героев Достоевского, со своей способностью к исповедальности, состраданию, со своей глубиной и простодушием.

ИННА ЧУРИКОВА: «Это наша вечная проблема: иметь такую грандиозную личность, как Леонов, и использовать его на среднем уровне. Средний режиссер снимает его в своей картине, дает роль, лишь бы тот посмешил, а леоновская мощь остается нераскрытой. Соглашается на такую работу Евгений Павлович, наверное, не сразу, но его уговаривают, человек он отзывчивый. Вот и получается: вместо того чтобы попытаться дотянуться до крупной личности и самим чуть-чуть приподняться, мы снижаем ее значимость».

Когда Марк Захаров дал Леонову сыграть чеховского Иванова, это вызвало у критики бурю протеста, – настолько непривычным показался сам облик персонажа. Иванов Леонова не обладал внешним великолепием и импозантностью

– обыкновенный человек, лысый, с брюшком. Полоса жестоких испытаний приводит его к мысли о самоубийстве. Этот Иванов хотел служить людям, отдать им свое сердце.

МАРК ЗАХАРОВ: «Совестливость, стремление что-то сделать для людей, подарить им целебную силу – свойства самого Евгения Павловича. У него есть чувство вины и внутренней печали – не за себя, а за окружающих товарищей, за те события, которые творятся вокруг, чувство ответственности и соучастия в жизни государства, общества, коллектива, где он работает. Как популярный артист, Леонов неоднократно обращался в разные инстанции, чтобы помочь своим менее известным коллегам. Часто это касается и проблем театра. Помню, как он ходил вместе со мной (вернее, я был адъютантом при нем) хлопотать по поводу пиротехнических эффектов, без которых мы не могли обойтись».

АЛЕКСАНДР АБДУЛОВ: «Я не знаю человека, которому Леонов отказал бы в просьбе. Когда я жил в общежитии, он помог мне с получением квартиры. Евгений Павлович – безумный собачник, и к двери его квартиры уже несколько раз подбрасывали коробку со щенятами, понимая, что Леонов не выбросит их на улицу. И действительно, он берет этих щенков, едет с ними на птичий рынок и раздает, – причем, смотрит, хорошему ли человеку, обязательно с ним поговорит».

Конечно, Леонову приходилось играть и тех, кто ломает устоявшееся представление о нем как об актере, излучающем доброту. К примеру, его герой в фильме «Осенний марафон» (за эту роль Леонов получил приз на кинофестивале в Венеции) – сытый, довольный, атакующий «хозяин земли», утративший душевную энергию. Или Вожак в ленкомовском спектакле «Оптимистическая трагедия» Вишневского. Леонов не играет классического злодея, готового распорядиться о расстреле любого инакомыслящего. Его Вожак умеет быть мягким, терпеливым, приветливым. Леонов дает возможность подумать, что дело не только во внешних проявлениях жестокости. У его Вожака бесчеловечны вера и идея, поэтому путь, им избранный, ведет в тупик. Но и в таких ролях, от обратного, Леонов защищает красоту мира, гибнущую под натиском бездуховности и обывательщины. И как всегда, насмешливый и печальный взгляд, легкая ухмылка, горький привкус утраченных иллюзий.

ГРИГОРИЙ ГОРИН: «Величие Леонова в том, что он, как это ни парадоксально, меньше всего соответствует классическому представлению об артисте. Фигура, голос, пластика – все поперек. И дар перевоплощения минимален. Предстает ли он перед зрителем Вожаком, Ивановым или Винни-Пухом, все равно это Евгений Павлович, и никаких жеманных возгласов: «Ах, неужто? А я и не узнал...» Узнаем мгновенно и радуемся этому.

Такой огромный кредит, такое всенародное разрешение актеру оставаться самим собой в любых предлагаемых обстоятельствах надо было заслужить всей жизнью. Леонов заслужил! Природа наградила его уникальным даром – представлять в абсолютной точности самобытный, неповторимый облик истинно русского человека, со всеми его достоинствами и слабостями, величием и забавными чертами. Я думаю, Евгений Павлович это подсознательно ощущает постоянно. Отсюда его тяга к импровизации в любой роли. Он как бы прислушивается к самому себе, к тем словам и междометиям, которые выскакивают непроизвольно. И сам удивляется и ахает: «Вот я какой! Кто бы мог подумать?» И зритель вместе с любимым актером восклицает: «Вот мы какие!»

Мне рассказали такой эпизод. Лет десять назад Леонов пришел на футбольный матч в Лужники. Естественно, его окружила огромная толпа. Жали руки, просили автографы, приглашали вместе выпить... В общем, все как обычно. И вдруг какой-то мужичок, безуспешно пытавшийся пробиться к знаменитости, влез на чьи-то плечи и закричал: «Леонов! Молодец! Ни против Сахарова не подписал, ни против чехов! Держись, Леонов!!!» И лицо мужика светилось от счастья. Поскольку Леонов не подписал, то и он, безвестный мужичок, не считает себя соучастником постыдных дел...»

Ну а сам Евгений Павлович не переставал повторять любимую фразу из Чехова: надо нести свой крест и верить, верить в свое призвание. Так и прожил свой век.

Элина Быстрицкая

«Терпеть не могу тех, кто врет – с пользой или во вред»

Она могла сыграть всего одну роль – Аксинью в «Тихом Доне» – и уже бы вошла в историю. Когда видишь Элину БЫСТРИЦКУЮ на экране, хочется, чтобы крупный план актрисы длился бесконечно. Магия ее взгляда и низкого певучего голоса такова, что сразу невольно выпрямляешь спину и начинаешь говорить вполголоса.

Малый театр, восьмое марта 2011 года. У меня было ощущение, что я иду на аудиенцию к королеве. Так и случилось. Только вместо трона – театральная гримерка, где все дышит прекрасной стариной. Потом я проводил Элину Авраамовну на сцену, – она участвовала в праздничном концерте. Все, кто встречался по дороге, за кулисами, просто вжимались в стенку, когда Быстрицкая проходила мимо. А уж если кого-то она удостаивала своим вниманием, то у этого «кого-то» на лице был беспредельный восторг!

– Элина Авраамовна, сейчас постараюсь четко сформулировать вопрос...

– Вадим, вы только меня не бойтесь. Перестаньте бояться.

– Хорошо, не буду... Вы уже не одно десятилетие

служите в Малом театре. Но ведь поначалу вас встретили здесь враждебно. Вы даже пили успокоительные таблетки.

– Вы знаете, не потому, что меня здесь так встретили, а потому, что у меня были сложные репетиции. Начинать в театре после кино было очень сложно. Перед поступлением в Малый театр почти два года у меня были съемки в «Тихом Доне», и я отвыкла от театральной работы, которая ежедневная и основательная. Меня не встретили враждебно. Да, у меня были некоторые нюансы с моими партнершами.

– Поподробнее, пожалуйста.

– Это я уже забыла. Прийти новичком в коллектив уже сложившийся... Надо быть очень осторожным, понимать, куда ты пришел.

– А вы были осторожной?

– Не могу сказать. Я была правдива, я была честна. Для меня это очень важные качества. Я терпеть не могу тех, кто сочиняет, врет – с пользой для себя или во вред кому-то.

– Интересный факт из вашей жизни. Главный режиссер Театра Моссовета Юрий Завадский приглашал вас к себе в театр, но он получил такое количество анонимных доносов на вас, что решил с вами не связываться.

– Мне об этом сказал Борис Новиков во время съемок «Тихого Дона». Он работал в Театре Моссовета, и я спросила: «Не знаешь, что там случилось? Почему меня сначала

пригласили, а потом отказали?» И он сказал: «Не только я знаю, весь худсовет знает. Пришло 20 анонимок из Киева». Хотите, расскажу, как было?

– **Конечно, хочу.**

– Я закончила театральный институт в Киеве, и меня направляли в Херсонский театр. Приехал главный режиссер этого театра. «Сёгодня, о сёмий (в семь), ресторан «Спорт». Я сказала, не пойду. «Смотри, тебе у меня работать». На следующий же день я пошла в бюро учета и распределения кадров и сказала, что не поеду в Херсон потому-то и потому-то. Женщина, которая там работала, ответила: «Вы порочитэ наши кадры». Мне пришлось добиваться освобождения. Я попросилась на показ в Театр Моссовета, который гастролировал в это время в Киеве. Худсовет посмотрел – и меня приняли. Перед отъездом я праздновала свадьбу своей подружки. Из гостей была аж только я. Мы пошли на гору над Днепром, взяли в киоске по бокалу шампанского и мороженое. Весна 53-го года, сами понимаете, какие у нас были возможности. И там были выпускники нашего института. Меня спросили: «Правда, что ты собираешься ехать в Москву к Завадскому?» – «Да». – «А шо ты там будешь робить?» – «Буду роли играть», – сказала я. Я понимала, что есть приглашение и все будет хорошо. Больше я ничего не говорила. И только спустя годы, когда я уже начала сниматься у Сергея Герасимова в «Тихом Доне», я узнала, что на меня написали анонимные письма.

– И все же, кому вы могли так насолить? Неужели всему виной то, что вы отказались сходить с режиссёром в ресторан? Может, в институте у вас были недоброжелатели?

– Вы как-то неправильно говорите. Меня в институте любили, но были люди, которые меня не любили. Что я могу сделать. Я не думаю, что все должны меня любить. И сегодня есть люди, для которых просто мое существование немалая неприятность. Но это нормально. Я свое дело делаю – и всё.

– Такое обострённое чувство справедливости, которое вам свойственно, передалось от родителей или это уроки жизни?

– Не знаю, откуда это. Это было всегда. Я дралась, когда обижали мою подружку. Она была маленькая, тоненькая, а я как я считала, здоровущая и должна была её защищать. Мы росли вместе, наши мамы дружили, и они по очереди водили нас на прогулки – мы с ней даже в одной коляске лежали. Мы и по сей день близкие подруги, правда, она живет за океаном уже много лет. Но мы созваниваемся. Я помню, как в школе, в самых начальных классах, мы бежали после уроков домой, потому что был мальчишка, который обязательно ранцем своим должен был ее ударить, а я ее защищала, – я с ним дралась, очень хорошо это помню.

– Какой у вас бойцовский дух!

– Я росла с братиком двоюродным, и мы с ним тоже дрались. Друг подружку хорошо тузили, но знали, что должна быть

правда. Я росла с мальчишками, от мальчишек училась. Мое увлечение бильярдом тоже оттуда: у нас с братом был общий бильярд, нам родители купили. Куклы у меня, конечно, тоже были. Я помню, мы однажды решили сделать одной из них прижигание носа зажженной спичкой. Это был целлулоидный пупс, и он загорелся. Но ничего, мы сами погасили пожар.

– Элина Авраамовна, у вас такая замечательная улыбка. Глядя на вас, понимаешь, что красота созвучна внутренней гармонии.

– Вы знаете, конечно же, природа имеет значение. Но я помню, как мама говорила мне: «Никогда, никому и ни при каких обстоятельствах ты не имеешь права ни сказать, ни сделать ничего плохого». Я думала, почему она мне это говорит, я никому не собираюсь делать ничего плохого. Я всегда кого-то защищала, кому-то помогала. А когда началась война – мне было 13 лет, – я решила, что должна идти помогать родине, и я пошла. И с тех пор так оно и идет: я не чувствую никаких трудностей в этом плане. Трудной была война.

– Удивительно, что вы закончили медицинский техникум, а не сразу пошли в актрисы.

– Да, закончила. Я работала во фронтовом госпитале. Видела, что делают врачи. В ноябре 44-го, когда кончилась моя война, когда наши пошли за рубежи, за границу, мы поехали в Киев. Но наш дом попал под бомбы, и мы уехали в Нежин. Я говорю «мы», потому что была моя мама и маленькая сест-

ричка. Я пошла в медтехникум, так как имела право поступить хоть на второй курс, без экзаменов, как участница войны. Меня приняли.

– Хотели быть врачом?

– Когда началась практика, я поняла, что не смогу. Был такой случай. Практическое занятие по хирургии. У больного опухоль, которую нужно было ликвидировать. Хирург дал наркоз – маска и хлорэтил. Человек захрипел и умер. Я пошла домой и подумала: «Как же так, не на фронте, не от ран, не от кровопотери, не от того, что болезнь... Всё, человека нет...» И я решила, что не смогу, но надо было закончить техникум, и я закончила его с отличием.

– А зачем, если вы понимали, что перспективы нет?

– Я такой человек. Всё всегда должна доводить до конца.

– Отличное качество.

– Я прошла войну, там взрослеют в один день.

– А как началась ваша актерская история?

– Я поняла, что не смогу стать врачом, а больше я ничего не умела. В самодеятельности что-то делала, пищала что-то.

– Это во время учебы в медицинском?

– Да, у нас был кружок. Мне говорили друзья, что у меня талант.

– И эта вера привела в театральный?

– Нет, папа не пустил. Он поехал со мной в Киев. Директор театрального института, улыбающийся, вежливо спросил: «Чем могу быть полезен?» И я услышала от папы: «Объ-

ясните, пожалуйста, моей дочери, что ей в вашем институте делать нечего». Я убежала. И вечером сказала отцу: не буду учиться нигде. Хорошо, сказал папа, поедem в Германию – там он служил. И забрал нас в Дрезден. Через три месяца его перевели в Вильнюс, они с мамой поехали туда, а я с сестрой – в Нежин. И я поняла, что надо учиться. Единственный институт, который был в Нежине, – педагогический. Поскольку я занималась в балетной школе, я начала вести там танцевальный кружок. Мы выступили на олимпиаде и получили первое место, а я – премию, путевку в дом отдыха работников искусств. Там одна актриса сказала мне: «Деточка, а ты где учишься?» – «В педагогическом». – «Тебе в театральный надо». Всё, этого было достаточно. Это же актриса Театра имени Ивана Франко сказала! Я приехала в Киев сдавать экзамены. Поступила сразу, но я хотела на кинофакультет, а меня приняли на театральный, украинский.

– Во время учебы ваш нрав стал мягче?

– Как сказать? Конечно, кому-то я не нравилась. С мальчишками у меня были вообще сложные отношения.

– Вы же раньше, наоборот, с ними ладили.

– Я была хорошенькая, но умела дать отпор.

– Как?

– Ну как, руками или ногами. (Улыбается.) Это я умела.

– Наверное, вас боялись.

– У нас были разные люди, и время было тяжелое – тогда искали космополитов. Меня на комсомольском собрании

обвиняли: «Она не хочет танцевати с Ванею Марушко – от него, видите ли, деревней пахнет». А от него не деревней, а по́том несло. И я сказала, что не буду с ним танцевать. И всё. Было тяжёлое собрание, до трех часов ночи, и решение – исключить меня из комсомола и просить дирекцию исключить из института.

– Вот так сурово.

– Не исключили. В райкоме комсомола попросили: «Ваш комсомольский билет!» А я сказала, что в руки его не дам. Я его получила на фронте.

– Какой характер. Огонь! Мне кажется, вы не из тех, кто ждет у моря погоды.

– Нет.

– А вообще когда вы поняли, что бездействие губительно?

– В самом раннем возрасте. Мне всё доставалось трудно, всего надо было добиваться. И учиться на отлично, и дежурить по ночам в госпитале. И перебарывать страх и слабость, когда видела отрезанные руки и ноги в операционной. Меня вызывали в операционную, когда надо было определить группу крови. Я выходила оттуда, с трудом приводила себя в норму, чтобы не потерять сознание. Мама в детстве мне говорила: «Доченька, принеси холодной водички из-под крана». Кухня была темная, я в темноте шла, пускала воду, набирала маме воды, приносила. Меня мама так обучала, чтобы я ничего не боялась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.